

Глава 12. Заботливый муж

—

Каждое бревно в охапке Цинь Сяоманя было цельным и тяжелым – такие куда весомее, чем груды веток. Спускаясь с горы, он останавливался передохнуть раз семь или восемь, прежде чем добрался до подножия.

Когда он дошел до своего двора, спина под одеждой была мокрой от пота.

— Я вернулся...

Войдя во двор, Сяомань так устал, что у него даже не было сил крикнуть погромче.

Ду Хэн поспешно вышел из дома. Увидев две огромные связки дров – весом не меньше сотни цзиней – он ахнул. Когда Сяомань сбросил их на каменные плиты двора, раздался глухой тяжелый стук.

— Зачем нести так много за раз? А если бы спину сорвал, что тогда делать? — Ду Хэн подковылял поближе, помогая пристроить дрова.

— В гору и под гору ходить слишком утомительно, — ответил Сяомань, растирая затекшее плечо и шипя от боли. — Лучше принести больше за один раз, чтобы лишний раз не бегать.

Несмотря на боль, он не жаловался, а, напротив, с улыбкой вытянул из кучи охапку гибких веток софоры и протянул Ду Хэну:

— Ты же говорил утром, что хочешь зубы чистить. Я нарубил веток софоры, чтобы ты мог сделать щетки.

Ду Хэн принял их. Утром он вскользь упомянул, что не привык просто полоскать рот водой, но, зная, что условий для большего нет, не стал настаивать. Сяомань тогда сказал, что веточки ивы или софоры гибкие: если их разжевать или разбить конец в щепу, ими удобно чистить зубы.

Ду Хэн улыбнулся и бережно отложил ветки, тронутый тем, что юноша запомнил его слова.

— На горе еще много дров осталось?

Сяомань кивнул:

— Лето было жарким, много деревьев и бамбука засохло, так что валежника больше, чем в прошлые годы. Я сегодня полдня разгребал и складывал их. Если носить по одной охапке, придется сходить еще раз десять. У нас там и холм свой, и бамбуковая роща – вроде и не слишком большие, но и маленькими не назовешь.

Ду Хэн смотрел на вспотевшего Сяоманя, который даже в усталости выглядел бодрым, и хмурился. В таком возрасте каждый день заниматься тяжелым трудом – как тело выдержит? Даже если сейчас это не заметно, надрыв в молодости обернется болезнями в старости.

Самому Ду Хэну, взрослому мужчине, было неловко заниматься только легкой работой по дому. И дело было не только в уязвленном самолюбии – ему было просто не по себе смотреть, как совсем молодой гер день за днем надрывается на тяжелых работах.

— Сяомань, ты говорил, что в деревне есть семьи, которым не хватает дров?

— Ну, есть. А что?

Ду Хэн мягко произнес:

— Тебе слишком тяжело так бегать вверх-вниз. Почему бы не отдать часть дров другим, чтобы облегчить себе работу?

Сяомань вытаращил глаза и повысил голос:

— Просто так отдать дрова?! Ты не смотри, что у нас за свинарником целая поленница. Если не собирать новые, старые быстро кончатся!

— Я не говорю «просто отдать», — спокойно пояснил Ду Хэн. — Я имею в виду: скажи тем, у кого дров нет, пусть сами соберут валежник на нашей горе и принесут его к нам во двор. А за работу отдай им одну или две охапки. Так с лишними руками мы за пару дней все дрова перетаскаем, и тебе не придется так мучиться.

Сяомань на мгновение замер. Если делать всё самому – это долго и тяжело, да еще и украсть могут. А если люди будут помогать официально за плату – это куда лучше, чем если дрова просто утащат воры.

Он расплылся в улыбке:

— Отличная идея! Завтра же пойду позову людей.

— Вот и хорошо, — отозвался Ду Хэн.

За эти дни он успел получше узнать историю семьи Цинь. Когда они ездили в город, второй дядя Цинь много чего ему рассказал. Оказывается, отец Сяоманя при жизни тоже был ученым и даже сдал экзамен на туншэна. Семья тогда поддерживала его обучение, ведь достаток позволял вырастить чиновника. Но после того как маленький папа Сяоманя умер при родах, отец Сяоманя впал в меланхолию, стал проваливать экзамены один за другим, а потом случился тот несчастный случай.

Раньше по меркам деревни дом Сяоманя считался зажиточным. Но после смерти отца, когда в доме не осталось сыновей, а только один Сяомань, хозяйство начало приходить в упадок – один человек просто не мог охватить всё.

Ду Хэн понимал: ресурсы у семьи Цинь есть, нужно только правильно ими распорядиться. Простая идея использования чужого труда могла бы сильно помочь, но деревенские жители, не получившие образования, часто мыслили узко. Они держались за свои «три му земли», стараясь каждую кроху зажать в кулаке, лишь бы соседу не досталось лишнего. Как и Сяомань – боялся, что дрова украдут, и надрывался сам, считая, что только такой тяжелый труд – настоящий и честный.

Сяомань посмотрел на Ду Хэна, склонив голову:

— Ты так всё продумал... жалеешь меня, да?

Ду Хэн слегка опустил ресницы, улыбнулся и, не ответив прямо, сказал:

— Пойдем в дом, я тебе кое-что дам.

— Что там? — Сяомань заинтригованно пошел за ним.

В комнате Ду Хэн достал что-то из-под подушки, и на ладонь Сяоманя посыпались медные монеты.

— Откуда у тебя деньги?! — Сяомань округлил глаза, глядя на полтора десятка монет.

— Сегодня в городе овощи продал.

Ду Хэн рассказал о поездке с Цинь Сюном. Сяомань расплылся в улыбке, обнажив два ряда белых зубов:

— Ну ты и смельчак! Надо же - напросился ко второму дяде в повозку, да еще и торговать поехал.

— Ничего особенного. Второй дядя суров с виду, но сердце у него доброе, с ним можно договориться.

Сяоманю это казалось невероятным:

— Второй дядя раньше был с тобой очень суров, а всего за несколько дней стал таким дружелюбным

Сказав это, Сяомань вернул деньги Ду Хэну. Вообще-то он любил деньги и трясся над каждой монетой, но это был заработок Ду Хэна. Пусть даже овощи были из его огорода, но:

— У мужчины всегда должны быть при себе деньги. Оставь себе на нужные дела. Я не всегда бываю дома, если вдруг что понадобится - не придется меня ждать.

Ду Хэн помедлил:

— Ладно, пока приберу их.

На самом деле ему хотелось сказать, что в будущем он заработает гораздо больше и отдаст всё ему, но он не любил пустых обещаний. Результат важнее слов.

За те несколько дней, что они прожили под одной крышей, Ду Хэн многое понял о характере Сяоманя. Хоть в деревне о нем и ходила дурная слава - говорили, что он грубый, властный и задиристый, - Ду Хэн видел другое. Сяомань был твердым с чужими, но внутри оставался рассудительным. Если с ним спокойно поговорить, он всегда прислушивался.

— Ты будешь мыться? Я согрел воду.

— Буду, в горах весь вспотел.

Сяомань легким шагом направился в кухню. Он чувствовал, что с приходом Ду Хэна у него каждый день, когда он возвращался домой, появлялся повод для радости. Жизнь определенно налаживалась! На кухне он увидел миску с измельченным чили - в основном зеленым, с редкими вкраплениями красного.

— Я собрал все перцы, через пару дней они бы замерзли на кустах. Сделаю из них соус с солью - будет отличная закуска к рису или добавка к жареным блюдам, — Ду Хэн вернулся к очагу, там оставалось еще много недорубленного перца.

— Только руки не обожги, раз столько рубишь.

— Ничего, этот последний урожай не особо острый, — Ду Хэн уверенно орудовал ножом.

Сяомань добавил:

— Ты распоряжайся на огороде как знаешь. Я то на горе, то бамбук рублю – за всем не услежу. Если тебе нравится торговать – ездь со вторым дядей на повозке, если получится. А если нет – можешь просто потратить две медные монеты, чтобы добраться до города. Только смотри, чтоб не обсчитали. В следующий раз можно будет зимние побеги бамбука на продажу взять.

— Хорошо, — бодро согласился Ду Хэн.

Сяомань был счастлив. Даже обычные вареные овощи на ужин казались ему необыкновенно вкусными. Наевшись, он увидел, как его «заботливый муж» собрал посуду и унес на кухню, а стол вытер до блеска. Сяоманю даже не осталось работы. Тогда он заранее подготовил корм для свиней на завтра и загнал кур в клетку. Одна из кур снесла два яйца – Сяомань радостно подобрал их и, когда парил ноги в тазу, сказал Ду Хэну, что завтра утром хочет жареные яйца. Работа в горах тяжелая, завтрак должен быть сытным.

— Их как раз два. По одному на каждого, я оставил их на плите.

— Ладно. В шкафу есть горшочек со свиным салом, я пожарю на нем.

Сяомань довольно зажмурился.

Когда пришло время часа Хай (19:00–21:00), они закончили дела и разошлись по комнатам. Сяомань зашел к себе, скинул одежду и плюхнулся на кровать:

— Ох!..

Он вскрикнул и, держась за плечо, сел на кровати. Расстегнул рубаху, пытаясь рассмотреть, что там с плечом, но ничего не увидел. Бронзового зеркала в комнате не было. Сяомань вздохнул и посмотрел на дверь.

— А! — Ду Хэн, который как раз раздевался, чтобы лечь в постель, вздрогнул от неожиданно вбежавшего гостя. Рука его дрогнула, он поспешно отвернулся и снова завязал пояс.

— Разотри мне плечо лечебным вином!

Ду Хэн нахмурился:

— Ты поранился?

— Да, синяки на плече. — В комнате Ду Хэна было тепло от жаровни с углем. Сяомань бесцеремонно стянул ворот, оголяя плечо, и подошел к Ду Хэну: — Посмотри сам, мне не видно, не могу мазь нанести.

Ду Хэн мельком увидел белое плечо, которое обычно было скрыто одеждой, и его сердце екнуло. Он поспешно отвел взгляд:

— Ты сам не можешь дотянуться?

— Если бы мог, зачем бы я к тебе пришел? — Сяомань сунул ему в руки баночку. — Давай

быстрее!

Ду Хэн неловко сжал баночку с настойкой. Юноша снова его поторопил, и ему ничего не оставалось, кроме как аккуратно смочить ватный шарик вином, стараясь смотреть куда угодно, только не на Сяоманя.

— Сильно болит?

— ...Терпимо...

Сяомань нахмурился, видя, как Ду Хэн вывернул шею и чуть ли не зажмурился. Он сердито глянул на него:

— Ты же даже не смотришь! Я что, настолько страшный?!

Ду Хэн откашлялся. Встретившись с сердитым взглядом Сяоманя, он почувствовал, как лицо заливают краска:

— Нет.

К счастью, в комнате было темно, и его смущение было не так заметно.

Ду Хэн медленно перевел взгляд на плечо гера. В месте, где давил груз, кожа была содрана, а вокруг расцвели фиолетовые пятна - где темнее, где светлее. Он нахмурился:

— Завтра не ходи в горы.

— Да позову я соседей, как ты советовал, не страшно. Завтра отвезу тебя к лекарю Цую, пусть ногу посмотрит. А в горы - послезавтра.

— М-м.

Наступила тишина. Ду Хэн, затаив дыхание и чувствуя, как горят щеки, закончил втирать лекарство. Он легонько подул на кожу и поправил рубаху Сяоманя:

— Завтра не делай тяжелой работы. Береги плечо, не мочи водой.

Он искренне сочувствовал Сяоманю, и голос его звучал мягко и нежно. Сяомань почувствовал странную легкость; обида мгновенно прошла, и даже боль утихла. После всех этих дней заботы ему так понравилось внимание Ду Хэна, что захотелось остаться в этой комнате подольше. Он очень медленно закрывал крышку баночки, но Ду Хэн просто стоял и молча смотрел на него. Сяомань немного рассердился, подхватил баночку и вышел.

— Ложись пораньше, — сказал ему Ду Хэн вслед. Сяомань не ответил. Ду Хэн решил, что тот просто очень устал и плечо сильно болит, поэтому не хочет говорить.

Снаружи свистел ветер. Хоть дождя и не было, в деревне стояла глубокая тишина. Ду Хэн снял обувь и забрался под одеяло. Он заранее положил в постель грелку с горячей водой, так что внутри было тепло и уютно. Он с облегчением выдохнул и закрыл глаза. Вскоре навалилась дремота, как вдруг на кровати что-то зашуршало, и рядом с ним появилась лохматая голова.

Ду Хэн распахнул глаза, глядя на гера, который в слабом свете углей приник к нему:

— Сяомань, ты что творишь?!

—

<http://bllate.org/book/14888/1327101>